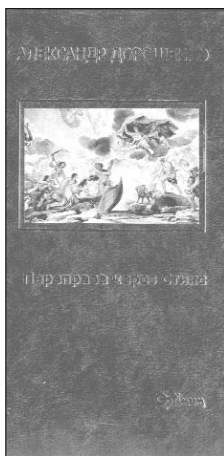

"Я малая песчинка..."

Александр ДОРОШЕНКО
Переправа через Стикс
Одесса, Optimum, 2007

Александр Викторович Дорошенко за несколько лет стал известным в Одессе писателем. И как венец — премия "Твои имена, Одесса", которой он был удостоен в 2007 году. Как и в предыдущей книге, "Мой Город", автор определяет жанр того, что пишет, возможно, вслед за Гоголем, — поэмой. И в этом есть рация. Столько эмоционального признания в любви к родному городу, столько откровенной ненависти к тем, кто уродует родной город, давно уже не вышло из-под пера одесских литераторов.

"Переправа через Стикс" — это книга памяти, это рассказ о существующих и уничтоженных одесских кладбищах, это судьба людей, сделавших Хаджибей Одессой. Но при всем при этом книга пропитана воздухом литературы — не случайно она начинается стихами Г. Державина и завершается строками О. Манделштама.

Я бы сказал, что для прозы эта книга перенасыщена поэтическими тропами, но автор и не собирался писать психологическую прозу. Как он дышит, так и пишет, не пытаясь угодить. Поэтому его книги пользуются большим читательским спросом, вызывают интерес к нашему городу и к личности автора.

Семен АБРАМОВИЧ
Ступени лестницы моей
Одесса, Астропринт, 2007

Много лет я знаю автора этой книги. Сейчас он работает на телевидении. Но по сути открылся он мне не в юношеские годы, а в зрелости, именно сейчас, когда я прочитал книгу его стихов. Как-то вздрагиваешь после первого же стихотворения:

Ступенька за ступенькой,
Этаж за этажом
Я к небу поднимаюсь
Под проливным дождем.

И всё. Больше, впрочем, ничего не нужно, кроме этого, — "я к небу поднимаюсь..."

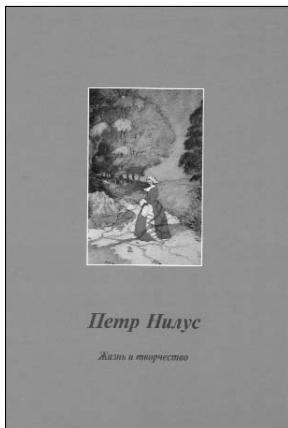
И вот на таком градусе искренности (не путать с градусом спиртного) создана вся эта изящная, хорошо оформленная книга стихов. И особая признательность автору обложки — фотографу, дизайнеру, не названному в выходных данных.

Начал рассказ об этой книге я со стихотворения, которым она открывается, выпускает в свой мир. Завершу последним, ставящим не точку, а многоточие, определяющим нравственную доминанту автора:

Ступенька за ступенькой,
Этаж за этажом,
Я малая песчинка
В бескрайнем и большом...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

...В КИЕВЕ

Петр Нилус. 1869-1943. Жизнь и творчество
Автор-составитель Л.А. ЕРЕМИНА
Киев, 2007

В последние годы все больше усиливается интерес к южнорусской живописной школе и, в частности, к замечательному художнику, другу Ивана Бунина — Петру Нилусу. Недавно в Киеве вышел альбом (правда, количество документов и материалов позволяет сказать: монография), посвященный этому живописцу.

Автор-составитель Л.А. Еремина не только написала биографический очерк, но и дополнила его воспоминаниями жены Нилуса Берты Соломоновны Голубовской и падчерицы Валентины Голубовской, включила в состав книги множество статей из эмигрантских изданий. Да и репродукционная часть аль-

бома не тривиальна — очень многие репродукции картин публикуются впервые.

Если к этому добавить, что в сборнике Литмузея "Дом князя Гагарина" вышли письма Нилуса к Е. Буковецкому, собранные В. Абрамовым, а в ближайшее время выходит отдельной книгой переписка И. Бунина и П. Нилуса, собранная Л. Ереминой, то остается пожелать, чтобы была переиздана и проза Петра Нилуса, которого современники считали не только талантливым живописцем, но и талантливым литератором.

...В МОСКВЕ

Тщательнее

Можно ли в одной небольшой книжке написать все про нашу жизнь — и советскую, и после-советскую, как нам объясняли — перестроечную, и нынешнюю, которую уже никак не называют, разве что по цветам предлагают определяться: бело-голубые, оранжевые, а тут тебе и красно-черные, и желто-голубые и белые настолько, что ищешь рядом красных.

Я бы и сам сказал, что нельзя. Никакая самая разбританская энциклопедия нашего многоголосья и многоцветья не выдержит. И ошибся бы, так как в январе 2008 года, да, нынешнего, високосного, года Крысы, вышла в Москве в издательстве "Время" (не путать с известной телепрограммой!) книга Михаила Жванецкого "Тщательнее".

Признаюсь, я прочитал ее уже несколько раз, она небольшого формата, и тексты в ней подобраны миниатюрные, такие, что без очков кажутся стихами, а в очках — афоризмами. Читать ее можно с первой страницы до последней и с последней — до первой, будто написана она одновременно на русском и на иврите. И что удивительно, понимаешь не только слова, но и смысл, а может, — что верней — бессмысленность нашей жизни.

А может, всю эту книгу народ написал, но чтобы в органах не выясняли, кто, что, почему, — поставили название этого народа — Михаил Жванецкий. Подумал и передумал. Не умеет так писать народ, ему автор нужен, даже для "Слова о полку Игореве" две сотни лет автора ищут. Прав-

да, нашелся смелый человек и прямо заявил, что "Слово о полку" написал он, Владимир (Зеев) Жаботинский. И искать теперь не нужно — и так ясно, зачем и почему.

Мог бы рассказать, кто такой Михаил Жванецкий. Но в Одессе есть чуть ли ни миллион человек, которые утверждают, что они с ним "на ты", что пишет он не для чужих дядей, а именно для них — всемирного содружества одесситов. Хотелось бы поверить, но вспоминается фраза, давшая название всей книге:

— *Тщательнее надо, ребята!*

И грустно становится, что это не только про москвичей, киевлян, но и действительно про нас, одесситов, при всей нашей смекалистости и легкомыслии.

Можно было бы из номера в номер нашей газеты печатать колонками афоризмы (стихи, парадоксы) автора. Но если мы смекалистые, то должны сообразить, что есть авторское право, есть закон. Правда, и поэтому поводу у Михаила Жванецкого особое мнение.

"Наш человек смерти не боится, ибо не жил ни разу".

Я уже вижу, как много читателей готово со мной поспорить. Не со Жванецким, я из его 446-страничной книжки выдернул десяток фраз. Но я считаю, что и их достаточно, чтобы мы поняли, как, где и с кем живем:

"Он так упорно думал о куске колбасы, что вокруг него стали собираться собаки".

При чем тут колбаса? А разве диапазон между лучше тогда или лучше теперь не измеряют часто колбасой? Правда, Жванецкий предлагает еще один точный измеритель времени:

— Что такое без четверти два все время?

— Это манометр.

Вот по манометру и прожили 90 лет. Михаил Булгаков утверждал, что наших людей (думаю, он имел в виду и одесситов, он приезжал в Одессу в 1924 году) испортил квартирный вопрос. Жванецкий с ним не спорит, он находит свою формулу:

"Квартира уже давно важнее женитьбы и сильнее смерти".

И вот в таком безумном, безумном, безумном мире, как правило, выслушиваешь слова:

"Пассажиров с билетами на Львов, рейс 3679, просят уйти из аэропорта".

Хорошо, если только из аэропорта, а когда из жизни?

"Мы по количеству врачей обогнали всех. Теперь бы отстать по количеству больных".

Шутки, скажете, прибаутки. Нет — жизнь. Наша жизнь во всей ее непредсказуемости:

"Сколько натерпишься обвинений в хамстве, прежде чем узнают, что ты глухонемой".

А может, мы все тут слепые, глухие, немые. Тогда понятно, почему мы так, мы тут, мы с этими живем. И веришь Жванецкому:

"Когда результат не нужен, трудно сделать процесс захватывающим".

Есть в книге фразы, которые уже вошли в нашу жизнь настолько, что без них и представить ее (жизнь) нельзя.

"Что охраняешь — то имеешь! Ничего не охраняешь — ничего не имеешь! Недаром говорят: "Все на охрану всенародной собственности" ...

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ

